

ПРОБЛЕМЫ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ

УДК 1(091)

DOI: 10.26456/vtphilos/2023.4.076

П.Л. ЛАВРОВ: МЕЖДУ НАУКОЙ И ПОЛИТИКОЙ

Е.Е. Михайлова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь

Цель статьи – рассмотреть научные и политические искания П.Л. Лаврова в период его вынужденной эмиграции. Русский философ-позитивист представлен как субъект культурного диалога между учеными и политиками разных стран. Выведена динамика и формы научной деятельности Лаврова в эмиграции. В первые три года он активно писал научные статьи по актуальным проблемам гуманитарного и социального знания, а также сотрудничал в международных профессиональных сообществах, в частности в антропологическом и социологическом. В последующие три десятка лет политическая деятельность стала заслонять науку и Лавров ограничивался лишь написанием рецензий на новые книги ученых разных стран. В конце жизни Лавров вновь плотно занялся научной деятельностью, написав две монографии. Сделан вывод о том, что, с одной стороны, политическая деятельность Лаврова в эмиграции затрудняла реализацию его научных интересов; с другой стороны, исследовательские навыки помогали Лаврову писать не голословные памфлеты, а аргументированные тексты политического характера.

Ключевые слова: *П.Л. Лавров, история, культура, наука, политика, эмиграция.*

Наука и политика являются формами культурного взаимодействия. Особенно иллюстративно это проявляется в эпоху общественных перемен, когда критическое осмысление происходящих событий заставляет мыслителя балансировать на грани научной рефлексии и политики. Во многие времена можно было наблюдать ситуацию, когда ученые покидали привычные для их образа жизни кабинеты, студенческие аудитории или библиотеки, чтобы включиться в активную политическую жизнь, или наоборот, когда политики после отставки начинали предаваться занятиям философией. Так было с Платоном в V в. до н.э., который дважды пытался воплотить свою идею идеального государства на практике. Всем известна история, как английский деятель XVII в. Ф. Бекон ушел из политики в философию или как французский политик середины XIX в. Ф. Гизо после своей отставки занялся историей и философией истории. Русские мыслители, жившие в эпоху перемен, полную надежд и разочарований, так же переходили эту грань с разной векторной направленностью: П.Я. Чаадаев

от политики – к истории, П.Н. Милюков от истории – к политике. В этом плане заметны искания философа-позитивиста и политика П.Л. Лаврова.

Как обычно бывает с масштабными фигурами, трудно дать целостный обзор научной и общественной деятельности Лаврова. Поэтому его исследователи фокусируют внимание, как правило, на том, что близко им самим. В.В. Зеньковский в «Истории русской философии» писал о Лаврове с пониманием эмигрантской участи человека, имя которого, не говоря уже о работах, долгое время было под запретом в царской России [3, с. 338]. Н.И. Кареев в работе «Теория личности П.Л. Лаврова» уделял особое внимание двум аспектам творчества Лаврова: идее «критически мыслящей личности» и вопросам формирования социальной этики [5, с. 7]. В советской историографии, по понятным причинам, делался акцент на политической и революционной деятельности Лаврова (И.В. Книжник, А.И. Володин, Б.С. Итенберг) [4; 6]. В последнее время в рамки исследований наследия Лаврова попадают вопросы, связанные с постулатами позитивистской историософии (С.П. Бельчевичен); с переплетением дискурса ученого и политика (О. Мархевски) [2; 8]. Лаврова включают в число русских философов, развивших идеи представителей первого позитивизма (А.Е. Рыбас) [10, с. 137]. Отмеченный историографический контекст и темы, которые остались за гранью перечислений, дают возможность согласиться с тем, что к творчеству Лаврова интерес не ослабевает.

Цель данной статьи – рассмотреть процесс самоидентификации Петра Лавровича Лаврова (1823–1900) в качестве ученого и политика в условиях вынужденной эмиграции.

В марте 1870 г. Лавров оказался в вынужденной эмиграции. Он приехал в Париж на волне двух противоположных чувств – тревожности по поводу бегства из России и приподнятости от ожидания свободы и новых возможностей для занятий научной работой. В первые же дни Лавров нанёс визиты Георгию Николаевичу Вырубову и Владимиру Федоровичу Лугинину. С родоначальником позитивистской философии в России соотечественники обсуждали судьбу литературного наследия А.И. Герцена. Лавров не раз признавался, какую большую роль сыграл Герцена на его собственное духовное созревание, и был готов написать его философскую и политическую биографию. Второй визит был когда-то учеником Лаврова в Артиллерийской академии, а ныне жил в Париже, слыл богатым меценатом и серьезно занимался химией. По понятным причинам разговор зашел о возможном спонсорстве различных издательских проектов. В ту пору Лугинин намеревался вложить деньги в довольно интересные, на его взгляд, петербургские проекты – в трехтомную «Историю европейской мысли в Новое время» и в энциклопедический словарь предположительным объемом в 12–15 томов.

Спустя месяц состоялась знаковая встреча Лаврова с Полем Брока. Родоначальник антропологии предложил российскому коллеге стать членом Парижского антропологического общества и подключиться к работе

по созданию тематического журнала. Лавров, разумеется, не без удовольствия принял это приглашение, поскольку хорошо знал труды знаменитого ученого и несколько раз выносил их на обсуждение в России, в издании «Заграничный вестник». Спустя два года журнал «Антропологическое обозрение» увидел свет. Лавров вошел в состав редакции и занимался рецензированием русской и немецкой литературы по проблемам антропологии [4, с. 171–172]. Помимо научных обзоров, Лавров выступал с докладами в Антропологическом обществе. Для привлечения публики темы были самыми разными. До наших дней, например, сохранился текст доклада «О поклонении озерам» (1872) [6, с. 47]. Такая работа в журнале и в научном сообществе помогала Лаврову реализовать переплетающиеся потребности – интеллектуальные и материальные.

В круг парижских знакомств Лаврова вошел Николай Владимирович Ханыков – русский географ, этнограф, переводчик новой работы профессора Карла Риттера «Землевладение в Азии». Двух эрудированных русских эмигрантов объединили самые разные научные темы. По воспоминаниям людей из их ближнего окружения, одновременно они могли обсуждать фундаментальные изыскания немецкого географа Александра Гумбольдта, в частности его теорию климата и представление о языке как деятельности человека, а также изысканный романтизм и мистицизм датского поэта и писателя-романиста Йоханнеса Гауха.

В ожидании доставки из России собственных рукописей и книг, крайне необходимых для научных занятий, Лавров обошел библиотеки Парижа, знакомясь с их фондами и архивами. Здесь уместно упомянуть интересную историю, связанную с его собственной домашней библиотекой. Поскольку изгнанник не имел права получать посылки из России, доверенные люди перевозили книги в своем багаже или отправляли их на свое имя из Москвы в Париж. Впоследствии вместе с Лавровым его библиотека переедет в Цюрих, а затем пересечет Ла-Манш и попадет в Лондон [4, с. 263]. В Лондоне библиотека в несколько тысяч томов, по сути, из домашней превратится в публичную, поскольку всем друзьям и знакомым будет открыт к ней свободный доступ.

Первые три года в эмиграции, с 1871 по 1873 гг., Лавров стал активно заниматься научной деятельностью. Об этом свидетельствуют изданные им 13 работ по самым разным проблемам гуманитарного и социального знания. Например, «Наука психических явлений и их философия (о Тэне)» (1871), «Научные основы истории цивилизации» (1871), «История городского и сельского устройства в Западной Европе» (1871), «Новая наука (о происхождении религии)» (1872), «Критическая история философии (о Дюринге)» (1873), «О методе в социологии» (1874) и др. Однако работа в качестве редактора революционного журнала «Вперед» довольно скоро сместила приоритеты Лаврова, на годы он погрузился в политическую деятельность. И только в конце жизни вновь плотно занялся научной деятельностью. За два года до кончины Лавров реализовал свой затяжной проект «Опыт исто-

рии мысли Нового времени», издав фолиант в 960 страниц. В это же время была написана и работа «Задачи понимания истории» (1898), которую издал М.М. Ковалевский в Москве под псевдонимом «С.С. Арнольди» [1].

Ученик Огюста Конта, позитивист Эмиль Литтре организовал в Париже Социологическое общество. Лавров заинтересовался этой идеей и изложил ее в журнале «Знание» в статье «Социологи-позитивисты» (1872). Сама концепция сообщества, объединяющего исследователей в области общественных и политических задач, пришлась по душе русскому социологу. Однако ее первоначальная реализация мало походила на творческую научную деятельность. На взгляд Лаврова, члены общества занимались не столько разработкой острых проблем социологии, сколько сопоставлением своих суждений с базовыми взглядами автора положительной философии.

В ноябре 1872 г. Лавров переехал из Парижа в Цюрих. Обетованная земля учащихся и ученых, центр умственной жизни Швейцарии – так называли разные путешественники и исследователи этот край. Академия искусств и музыки, университет, институт точных наук, институт юридических наук, политехническая и ботаническая школы, публичные библиотеки – все это свидетельствует о высокой академической культуре Цюриха. В городе сложилась большая русская колония, объединившая тех, кто приехал сюда за знаниями. Центром локации стала русская библиотека, выполнявшая роль и студенческого клуба, и профессорских встреч. «Вторая Россия» – метко охарактеризовал Цюрих той поры Вырубов [4, с. 193]. В декабре 1872 г. именно здесь состоялись три первых лекции Лаврова по истории науки. Объединены они были общим названием «Роль славян в истории мысли». Замысел лекций сводился к тому, что славяне могут и должны активно включаться в процесс социального переустройства Европы и России. С января 1873 г. начался новый цикл лекций, содержание которых составил вопрос о современных философских школах. Спустя десять лет тексты выступлений будут напечатаны под названием «Лекции по основным вопросам философии» [6, с. 110].

Научная и политическая деятельность активизируется, как правило, с каждой интересной встречей. Можно фиксировать три формы встреч Лаврова: с зарубежными и отечественными учеными, с политиками и друзьями. Встреча Лаврова с Николаем Ивановичем Кареевым стала знаковой для обоих ученых. Кареев приехал писать магистерскую диссертацию о положении крестьян накануне Французской революции. В своих воспоминаниях он признавался, что прочитал все работы Лаврова еще до приезда в Париж и специально искал встречи с философом. Между молодым и маститым соотечественниками установились тесные отношения. Кареев слушал лекции Лаврова, проводимые прямо в его квартире, делился с ним своими исследовательскими результатами и находками. Встречи переросли в научное сотрудничество. В своих мемуарах Кареев особо отмечал, что соотечественники старались дистанцироваться от разговоров на тему радикализма в России [9, с. 144].

После защиты магистерской диссертации Кареев прислал Лаврову свою книгу «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века». Лавров положительно оценил текст Кареева, посоветовал написать на французском языке реферат монографии и отправить для оценки Фюстелю де Куланжу. Французскому историку книга понравилась, и он опубликовал ее в трудах Академии моральных и политических наук. С этого момента имя молодого русского исследователя стало известным для европейских историков [4, с. 246]. Кареев впоследствии напишет статью «Теория личности П.Л. Лаврова» (1907) [5]. Лавров сфокусирует свое внимание на творчестве Кареева в статье «История Франции под пером новых русских исследователей» (О Карееве и Гольцеве) (1879) [6, с. 109].

Жизнь эмигранта, без постоянной работы и дохода, заставляла Лаврова искать издателей и писать «хлебные» статьи, а активная политическая деятельность — революционные тексты. Несмотря на нехватку времени, видно, что научный интерес Лаврова не угасал и проявился в форме написания целого ряда научных рецензий. Ученый публично, в печати реагировал на вышедшие книги своих соотечественников (Кареев, Гольцев) и знакомил читателей с идеями и концепциями ученых и философов (И. Тэн, Е. Дюринг, Ч. Дарвин, де-Роберти, А. Шопенгауэр, Т. Карлейль, Л.Н. Толстой, Г. Спенсер). В 1878 г. в Москве под редакцией В. Миллера и М.М. Ковалевского начал выходить журнал «Критическое обозрение», где была размещена не просто рецензия, а полноценная статья Лаврова о книге английского историка и общественного деятеля У. Эд. Лекки «История Англии в XVIII веке». Работа для заработка отвлекала от основного труда «История мысли». В общей сложности от замысла книги (еще в ссылке в России) до его реализации пройдет четверть века. Только в 1888–1894 гг. в Женеве Лаврову удастся напечатать «Опыт истории мысли Нового времени» [6, с. 110].

На первый взгляд кажется, что Лавров-политик победил Лаврова-ученого в условиях вынужденной эмиграции. Однако в детальном приближении этот ответ не выглядит столь очевидным. Есть и обратная связь между исканиями ученого и политика. Исследовательские навыки помогли Лаврову стать вдумчивым политиком. Он писал не голословные памфлеты, а аргументированные тексты политического характера. Иллюстрацией может служить статья в издании «Вперед» под названием «Счеты русского народа» (1873). По форме этот текст выглядит как исторический очерк о России от Смутного времени до правления Николая II; по содержанию — как политическое освещение исторических и социальных проблем России, как обличительное послание в адрес династии Романовых.

Если рассматривать подробно, то текст статьи Лаврова выдержан в духе исторической палитры С.М. Соловьева. История России под пером Лаврова развивается на основе многих факторов, среди которых климат, географическое положение, этническое разнообразие, особенности коло-

низации, формирование социальных слоев, роль городов и т. д. Преобразовательной точкой отсчета для Лаврова служит эпоха Смутного времени как ринг борьбы власти и народа с последующим восшествием династии Романовых. Автор текста выводит четкую линию истории взаимоотношений общества и новой власти Романовых: от сословно-совещательного характера до абсолютистской власти. «Первый Романов был царь, ограниченный в своей власти, но скоро его наследники захватили в свои руки всю власть и стали единственными правителями земли русской» [7, с. 42–43]. Как и Соловьев, Лавров сопоставляет эпоху первых Романовых с временами Петра Великого. Императорство как форма правления становится для него главной негативной чертой истории России. «Мы обвиняем императорство русское, как одно политическое целое, за зло, сделанное им России» [7, с. 44]. В противовес духу императорства, с его системой подавления личностного начала в общественном устройстве, Лавров противопоставил необходимость достижения человеческого достоинства, согласно которому граждане созрели бы до политической и нравственной ответственности. «Не смешно ли говорить о человеческом достоинстве там, где источник всякого закона, всякой политической жизни – в одном лице, а все другие бесправны, все другие – ничто. В неограниченной монархии достоинство человека существовать вовсе не может и уважение к нему немыслимо» [7, с. 62]. Финальный пафос статьи сводится к призыву думать не о прошлых неудачах, а о будущих перспективах. В замыслах Лаврова, во-первых, надо покончить счеты «с императорским чиновничеством, поместным дворянством и паразитным духовенством»; во-вторых, формировать народность как «единство мыслящих русских, желающих блага и развития братьям, желающих человеческой роли для своего отечества» [7, с. 65].

Статья Лаврова «Счеты русского народа» представляет любопытный синтез научной истории и лозунговой политики. На фоне неоспоримых исторических фактов рефреном проходит мысль о реализации политических задач. Создается впечатление, что в тексте достоверные факты сознательно встроены в символическую «шапку Мономаха», рассчитанную на малообразованных представителей народа. И это вызывает удивление, поскольку статья, как и многие другие работы Лаврова, была напечатана в либеральном издательстве, читателями которого являлись думающие и начитанные люди. Возникает вопрос, на какую аудиторию рассчитывал Лавров, публикуя эту статью в своем политическом издании «Вперед». Если на образованных людей, то стиль письма выглядит назойливо повторяемым памфлетом; если на малограмотных людей – сложным текстом, с большим количеством фактов и оценочных суждений.

В качестве выводов отметим, что научная и политическая деятельность Лаврова со всей очевидностью активизировалась с каждой интересной встречей. Разнообразные контакты позволяют представить Лаврова носителем культурного диалога между учеными и политиками разных

стран. Своей деятельностью он воплощал человека, обладающего тремя способностями, – научного исследователя, организатора сообщества и теоретика революции. Как исследователь Лавров изучал историю научной мысли, актуальные вопросы антропологии и социологии. Как организатор он славился умением коммуницировать, делать незнакомых людей единомышленниками, объединять их под решение какой-либо практической задачи. Как теоретик революции он возглавлял печатные издания, писал статьи и обзоры. Можно сделать вывод о том, что, с одной стороны, политическая деятельность Лаврова в эмиграции затрудняла реализацию его научных интересов; с другой стороны, исследовательские навыки помогали Лаврову писать не голословные памфлеты, а аргументированные тексты политического характера, что делало его вдумчивым революционным преобразователем.

Список литературы

1. Арнольди С.С. Задачи понимания истории. Проект введения в изучение эволюции человеческой мысли. СПб.: Тип. М.Я. Минкова, 1903. 340 с.
2. Бельчевичен С.П., Казанцева И.А. Историософия Н.К. Михайловского // *Философия и культура в гуманитарном дискурсе. Материалы международной научно-методической конференции*. Воронеж: Изд-во «Истоки», 2023. С. 124–127.
3. Зеньковский В.В. История русской философии. М.: Академический проект, Раритет, 2001. 880 с. С. 334–363.
4. Володин А.И., Итенберг Б.С. Лавров. М.: Молодая гвардия, 1981. 319 с.
5. Кареев Н.И. Теория личности П.Л. Лаврова. СПб.: Тип. «Общественная польза», 1907. 64 с.
6. Книжник И.В. П. Лавров. Его жизнь и труды. Л.: Изд-во «Прибой», 1925. 137 с.
7. Лавров П.Л. Счеты русского народа // П.Л. Лавров. Избранные сочинения на социально-политические темы: в 8 т. / вступ. ст. и ред. И.А. Теодоровича. М.: Изд-во всесоюзного общества каторжан и поселенцев, 1934. Т. 2. 1873–1874. С. 43–65.
8. Марhevски О. Взгляд из Словакии на изучение философии русского народничества (П.Л. Лавров: дискурс «кабинета» и дискурс «улицы») // *Философский журнал / Philosophy Journal*. 2021. Т. 14, № 2. С. 153–166.
9. Михайлова Е.Е. Н.И. Кареев: международные стажировки и встречи как форма научного диалога // *Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия*. 2021. № 3 (57). С. 142–149.
10. Рыбас А.Е. Проекты Серебряного века: Философские идеи русского модерна / А.И. Бродский, А.Е. Рыбас. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2013. 324 с.

P.L. LAVROV: BETWEEN SCIENCE AND POLITICS

E.E. Mikhailova

Tver State Technical University, Tver

The purpose of the article is to consider the scientific and political quests of P.L. Lavrov during the period of his forced emigration. The Russian positivist philosopher is presented as a subject of cultural dialogue between scientists and politicians from different countries. The dynamics and forms of Lavrov's scientific activity in exile are deduced. In the first three years, he actively wrote scientific articles on current issues of humanitarian and social knowledge, and also collaborated in international professional communities, in particular in anthropology and sociology. Over the next three decades, political activity began to overshadow science and Lavrov limited himself to writing reviews of new books by scientists from different countries. At the end of his life, Lavrov again became deeply involved in scientific activity, writing two monographs. It is concluded that, on the one hand, Lavrov's political activities in exile made it difficult to realize his scientific interests; on the other hand, Lavrov's research skills helped him write not unfounded pamphlets, but reasoned texts of a political nature.

Keywords: *P.L. Lavrov, history, culture, science, politics, emigration.*

Об авторе:

МИХАЙЛОВА Елена Евгеньевна – доктор философских наук, профессор, профессор кафедры психологии, истории и философии, ФГБОУ ВО «Тверской государственный технический университет», г. Тверь. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Author information:

MIKHAILOVA Elena Evgenyevna – PhD (Philosophy), Professor, Professor of the Department of Psychology, History and Philosophy, Tver State Technical University, Tver. E-mail: mihaylova_helen@mail.ru

Дата поступления рукописи в редакцию: 10.10.2023.

Дата принятия рукописи в печать: 10.11.2023.